

ВАЦЛАВ ВОРОВСКИЙ

SCLAVUS

SALTANS

Вацлав Вацлавович Воровский

Sclavus saltans

Аннотация

«Есть хороший обычай подводить в начале года итог минувшему году и таким образом проверять пройденную ступень развития... или упадка.

И, следуя этому хорошему обычаю, я хочу сегодня пригласить читателя обратить внимание на одну черту, весьма ярко характеризующую минувший год.

Эта черта – смех...»

Содержание

Вацлав Воровский

Sclavus saltans

Есть хороший обычай подводить в начале года итог минувшему году и таким образом проверять пройденную ступень развития... или упадка.

И, следуя этому хорошему обычаю, я хочу сегодня пригласить читателя обратить внимание на одну черту, весьма ярко характеризующую минувший год.

Эта черта – смех.

Если отмечать в человеке или в каком-нибудь обществе, так сказать, историю его смеха – как он смеется, над чем смеется, когда смеется, – мы получим богатейший материал для изучения его психологии.

На этот раз мы ограничимся одной сферой смеха – литературной.

Нам, благочестивым россиянам, не много литературного смеха досталось на долю. Сатира и карикатура никогда не могли у нас хорошо развиваться «по причинам, от редакции не зависящим».

Короткий период 60-х годов, когда чуть было не укрепились в литературе сатира и карикатура, миновал слишком быстро¹.

¹ В 60-е годы XIX в под влиянием освободительного движения в России наблюдался расцвет сатирической журналистики. Особенной политической остротой

Единственным сатириком у нас был и остался Салтыков.

Не лучше повезло и юмору. Лучшие юмористы – Гоголь, Чехов, Новодворский² – так смеются (особенно последние два), что от их смеха плакать хочется.

Мы не знали и до сих пор не знаем здорового, искреннего смеха над ответственным за себя уродством. Ибо наше уродство всегда выражало чужую волю и не могло отвечать за себя.

Положение дел, казалось, изменилось три года тому назад.

Пышным цветом распустилась юмористическая и сатирическая пресса, и в ней впервые зазвучали нотки искреннего, свободного смеха.

Чувствовалось, что люди получили не только возможность, но и желание хохотать «над тем, что кажется смешно».

Однако и этот порыв к смеху был короток. Журналы начали скоростижно умирать, а с тем и смех³.

Но осталось одно литературное наследие от этого периода.

Потребность в смехе породила спрос на смех; такой же рыночный спрос, какой бывает на яркие материи или модные меха.

отличались сатирические журналы «Свисток» – приложение к «Современнику», редактировавшееся Н. Добролюбовым, и «Искра», во главе которого стоял поэт В. Курочкин.

² Новодворский А. О. (псевдоним А. Осипович) – писатель-народник.

³ В 1905-1907 гг. в России выходило множество сатирико-юмористических журналов, газет, листков; некоторые из них конфисковывались царскими властями с первого же номера.

Под влиянием этого спроса создалась целая профессия смеющихся к смешавших литераторов, именуемых обыкновенно маленькими фельетонистами.

Каждая «уважающая себя» газета обязательно начала обзаводиться такими смехунами, – которые побогаче, держали по два, по три. Наконец, создалась специальная понедельничная газета, которая давала только смех.

После недели политики, литературы, науки и скуки читателя обдавали целым номером смеха.

Но смех есть лишь определенное отношение к какому-нибудь объекту. Необходимы были объекты, на которых можно было бы изошрять смех.

В теориях словесности обыкновенно разъясняется, что комичное создается тогда, если делать глупое, дурное, вредное с искренним сознанием, что это умно, хорошо и полезно. Ну, а вся наша общественная жизнь сложилась с этой точки зрения крайне комично. Так что недостатка в объектах, казалось бы, не должно было быть.

Но, к сожалению, авторы комичного в жизни обладали волшебной силой недопускания комичного в литературу. Размах смеха был сужен, круг его ограничен.

Но смех как профессия не переставал существовать. Была целая каста лиц, которые приспособились и привыкли выражать смехом все свои эмоции: радость и горе, негодование и восторг, веселье и слезы. Они были такие же профессионалы смеха, как их коллеги были профессионалами политики,

театра, литературной критики. Они жили этим и ни к чему другому не были приспособлены.

На все их сомнения и недоумения им отвечали одно: «смейся, паяц!»

Sclavus saltans!

И приходилось смеяться. Кругом царил мрак и уныние, а они смеялись. Общественная жизнь была загнана в узкий круг, где кроме литературы и искусства ей ничего не оставили, а они все смеялись.

И когда им не над чем было смеяться, они набросились на изящную литературу и начали смеяться над нею.

Писали пародии, шаржи, карикатуры. И на то, что заслуживало смеха, и на то, что стоило слез. И над претензиозными попугаями модничающих гениев, и над кровью сердца страждущего художника.

Ибо нужно было жить, а чтобы жить – нужно было работать, а работать они могли только смехом.

Sclavus sait ans!

И эта жалкая картина пляшущего раба, когда кругом его царит мерзость запустения, особенно ярко резала глаза в истекшем году.

Каков будет этот год – мы не знаем, едва ли будет хорош,

но что из минувших последний был наиболее мрачным, это бесспорно. И среди этого мрака, быть может, наиболее мрачным пятном – благодаря своей ненужной крикливости – был этот смех над самим собою.

Вероятно, многие из этих пляшущих рабов сознают, что творят это лишь в силу печальной необходимости. Но, кажется, есть и такие, которые серьезно воображают, что делают умное, хорошее и полезное дело.

К ним тоже был бы применим критерий комичного, если бы они не были просто жалки.

О, если бы ушло в вечность вместе со старым годом это грустное наследие его!

П. Орловский
«Одесское обозрение»,
8 января 1909 г.